

Турция между Востоком и Западом

Свободный выбор или временный маневр?

Артак Шакарян (Армения)

Является ли ближневосточная политика премьер-министра Турции Эрдогана изменением курса, предписанного Ататюрком, или это соответствует внутренним механизмам турецкой внешней политики? Почему Турция выбрала роль изгоя на Ближнем Востоке в начале своей новейшей истории и какие у Анкары амбиции в 21-ом веке?

Многие аналитики считают, что Анкара заметно изменила ось и, отрякаясь от западных ценностей, возвращается в исламский мир. Другие отмечают, что эти шаги продиктованы самим Западом и Турция исполняет отведенную ей роль. В данной статье будет сделана попытка проанализировать активизирующуюся политику Турции на ближневосточном регионе и обрисовать некоторые аспекты логики развития событий с точки зрения теории неореализма.

Почему Ататюрк отказался от Востока?

Османская империя, как достойная представительница исламской цивилизации, всегда относилась к Западу с высоко. Европа была местом сражений и завоеваний, и несмотря на многие заимствованные атрибуты византийской цивилизации, османцы были преисполнены чувства собственного величия. Только первые серьезные поражения и унижительные мирные договоры Карловица (1699) и Пасаровица (Пожаровец, 1718) заставили султанов призадуматься о возможностях более тесного сотрудничества с Западом. Однако в большей степени речь шла о военных реформах, направленных на модернизацию армии, и Запад воспринимался как краткосрочное средство для залатки пробелов в развитии¹.

Следующим поворотным пунктом в вестернизации Турции стало поражение Османской империи в Первой мировой войне, потеря огромных территорий, Севрский мирный договор и угроза исчезновения Турции с карты мира. Именно тогда основатель Турецкой республики Мустафа

Кемаль определил вектор развития Турецкой республики: “На Запад”, который стал путеводной звездой для многих поколений. На основе опыта был сделан вывод, что одной из главных причин поражений была большая привязанность Турции к Востоку. В частности, исламизированность общества была названа главным фактором в торможении развития государства. Указами Ататюрка были упразднены исламские ордены и религиозные учреждения, арабская вязь была изменена на латинский алфавит, законодательство было скопировано у западноевропейских стран, а секуляризация общества стала одной из главных задач правящей элиты². Турция попыталась одним махом избавиться от Востока и многое ей удалось.

С первого взгляда шаги Ататюрка логичны и продиктованы несколькими факторами. Во-первых, сработал инстинкт самосохранения. В связи с этим известно также и другое изречение Мустафы Кемаля - “Мир на Родине – мир во всем мире”³. После тяжелого поражения Турция должна была самоизолироваться и залечить раны, достичь сплоченности общества, утихомирить курдов. Во-вторых, турки поняли, что западная цивилизация – это ответ на все вопросы и рецепт успеха заключается в полной интеграции с Западом и копировании всего, начиная с армии и заканчивая модой. В принципе, многие историки и аналитики, в частности турецкие, довольствуются таким объяснением, которое дает простые ответы на вопросы, а также соответствует имиджу современной Турции.

Парадигма неореализма утверждает, что государство принимает решения насчет внешней политики, руководствуясь национальными интересами, когда в худшем случае приоритетом является самосохранение, а при лучшем раскладе сил оно делает шаги для распространения влияния, вплоть до универсального доминиро-

¹ Yücel Bozdağlıoğlu, Turkish foreign policy and Turkish identity: a constructivist approach, New York & London, 2003, p. 36-37;

² Подробнее см.: Hamza Eroğlu, Yurtta Sulh, Cihanda Sulh, Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, Sayı 2, Cilt: I, Mart 1985, <http://www.atam.gov.tr/index.php?Page=DergiIcerik&IcerikNo=72>; Сурен Багдасарян, Политическая система Турции в 1920-30-ые гг., Ереван, 2001, 160 стр.;

³ Hamza Eroğlu, Yurtta Sulh, Cihanda Sulh, Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi, Sayı 2, Cilt: I, Mart 1985, <http://www.atam.gov.tr/index.php?Page=DergiIcerik&IcerikNo=72>;

вания¹. Выбор в пользу “миролюбивой” и про-западной Турции был продиктован реалиями геополитики, а не желанием приобщиться к западной цивилизации.

Вспомним, что все та же молодая Турция по мере своих сил заняла значительные территории в следствии войн с Грецией и Арменией. На южно-восточном фронте турецкие войска даже три раза победили западные группировки, заняв города Мараш, Урфа и Айнтеп². Турция уже тогда намеревалась компенсировать территориальные потери в Первой мировой войне и воспользовавшись развалом Российской империи занять весь Южный Кавказ. Однако это ей не удалось, в частности, из-за сопротивления армянской армии³. В последствии, кавказские планы Турции канули в лету, так как советизация этих территорий обеспечила долгосрочную неприкасаемость. Иран был также неприкасаем: его территория была поделена на зоны влияния между Москвой и Лондоном. На севере находилась русская казакская бригада, а на юге находилась Англо-иранская нефтяная компания и соответственно представляла одну из святейших святых Лондона.

На ближне-восточном фронте дела обстояли хуже. Сопредельные Сирия и Ирак были уже под мандатом соответственно Франции и Великобритании, а Анкара не была в состоянии тягаться с такими государствами. Турция не смогла даже притронуться к территории Киркука в Северном Ираке, которая входила в “Национальный обет”⁴, то есть было запланировано, что она должна войти в территорию новой Турции.

Иными словами, Ататюрк сделал выбор в пользу Запада, потому что все пути на Восток были намертво отрезаны. Было решено сделать рывок в модернизации общества и особенно армии, дожидаясь удобного момента для изменения статуса-кво.

Турция в годы Холодной войны: Своя среди чужих, чужая среди своих

¹ Kenneth Waltz, *Theory of International Politics*, New York, 1979, p.118;

² Именно из-за важности победы над западными войсками названия этих городов были переименованы в Каграман-Мараш (Герой Мараш), Шанлы- Урфа (Славная Урфа) и Гази Айнтеп (Победитель-Айнтеп);

³ В мае месяце 1920 г. войска Армении и народное ополчение дали отпор турецким регулярным войскам по направлениям Сардарпат, Баш-Апаран, Караки-лиса;

⁴ Национальный обет или «Misak-ı Milli» включает в себя всю нынешнюю территорию Турции, а также регион Киркука. Национальный обет был принят в январе 1920 года; Nejat Kaymaz, “Misak-ı Milli Üzerinde Yapılan Tartışmalar Hakkında”, VIII. Türk Tarih Kongresi, Ankara, 1977, s. 2

Наиболее часто используемым и основным рычагом изменения статуса-кво являются войны. В это время в уравнении оказывается вакуум, который восполняется наиболее готовой к этому стороной. Вторая мировая война взбудоражила умы турецкого генералитета, который с одной стороны все еще помнил горький опыт Первой мировой и сделал все, чтобы не ввязываться в войну, но с другой стороны победа Германии открыла бы пути на Восток. Выбор Анкары опять был предопределен желанием расширить свои территории. Только победа советских войск в Сталинградской битве остудила пыл турок, которые уже были готовы к открытию нового фронта.

Победа союзников во Второй мировой войне свела на нет территориальные надежды Турции. Более того, Анкара входила в планы Запада по предотвращению усиления влияния Москвы на Ближнем Востоке и сдерживанию СССР. Турция стала важным звеном в Североатлантическом Альянсе. И опять у Анкары не было выбора. Запад предоставлял ядерный зонтик и статью номер 5 о защите от нападения⁵, а Советский Союз предоставлял реальную территориальную угрозу. Более того, усиление советского влияния на Арабском Востоке все больше оттеснило Турцию в объятия Запада.

Зонтик НАТО, однако, сыграл и негативный эффект. Несмотря на ислам, на Ближнем Востоке Турция не воспринималась как “своя”. Тесное сотрудничество с Израилем и США запятнало репутацию Анкары, как “жандарма Запада в регионе”. Турция не могла и думать о возможности расширения влияния на Ближнем Востоке. Согласно Роберту Гилпину “*государства калькулируют затраты и выгоды при выборе имеющихся альтернативных курсов действий ... [Кроме того], государство будет пытаться изменить международную систему путем территориальной, политической и экономической экспансии, до тех пор пока предельные издержки дополнительные изменения станут равными или превышают предельные выгоды*”⁶. То есть в этом контексте решение более тесного сотрудничества с Западом, вступления в Европейский Союз опять было продиктовано отсутствием конкурентоспособных альтернатив.

⁵ The North Atlantic Treaty, Washington D.C. - 4 April 1949, http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm; см. также Protocol to the North Atlantic Treaty on the Accession of Greece and Turkey, 22 Oct. 1951, http://www.nato.int/cps/en/SID-01DC9A5F-F1348A97/natolive/official_texts_17245.htm;

⁶ James Dougherty & Robert Pflatzgraff, *Contending Theories of International relations: A Comprehensive Survey*, New York, 2000, p.81;

Статус-кво изменился: пружина в движении

Конец Холодной войны, падение берлинской стены и развал СССР стали ознаменованием новой фазы вакуума в регионе. Анкара оказалась неподготовленной к использованию такой возможности.

Запад более не нуждался в Турции в виде аванпоста против Советского Союза. Актуальность Анкары упала до минимума¹. Какие альтернативы были у Турции? Не востребованная Западом и отчужденная от Востока, Анкара решила сделать марш-бросок и заполнить вакуум в Центральной Азии, используя националистические мотивы и объявив себя “большим братом” и протектором пост-советских тюркских республик. Таким образом Турция пыталась в пределах минимальных издержек увеличить свой удельный вес в региональном балансе и восстановить свою востребованность на Западе. Более того, эта политика была поддержана США и другими западными странами, которые опасались усиления Ирана в регионе и экспорта Исламской революции в Центральную Азию. Однако тюркские республики, достигшие независимости от Москвы, не желали войти под протекторат очередного “большого брата”. Инвестиции и финансовые влияния – вот, что было нужно тюркским республикам и чего не могла дать Турция вследствие своего экономического кризиса².

Не удалось Турции добиться больших успехов и на Южном Кавказе. Несмотря на то, что все страны региона находились в состоянии войны, что представляло много места для действий, Закавказье все еще было особым регионом для России, которая не допустила усиления турецкого влияния. В частности, Турция могла усилить влияние на неподконтрольные Грузии Абхазию и Аджарию, и несмотря на то, что некоторые успехи были зарегистрированы, однако обе территории были под полнейшим влиянием Москвы. Запад сам работал на Грузию, а Армения находилась под зонтиком ОДКБ и первые же попытки турецкого руководства “игры мускулов” по направлению Еревана были пресечены российским генералитетом³.

¹ А.Шакарян, Турецко-американские отношения (2003-2006), “21-ый век”, 2006, # 2 (12), стр. 89 (на армянском языке);

² Esedullah OGUZ, Turkish-Russian Arm Wrestling in Central Asia, September, 2009, <http://eurasiacritic.co.uk/articles/turkish-russian-arm-wrestling-central-asia>

³ 20 февраля в российском парламенте даже прошли слушания с участием Главнокомандующего Объединенными силами СНГ маршала Е.Шапошникова, на которых обсуждался и характер учений III полевой армии Турции близ армянской границы. ... [Несколько месяцев

Турецкое влияние распространилось только на одну страну – Азербайджан, который находился в состоянии войны и кроме финансовых влияний, остро нуждался в военно-технической поддержке. Тип этой помощи не требовал у Турции превышения предельных издержек, и Анкара с готовностью предоставила свои услуги, вместе с тем и влияние⁴.

Сценарий возможных последствий турецкого влияния в миниатюре виден на примере Нахичевани. Долгие года вследствие карабахского конфликта сухопутная граница между Турцией и Нахичеванью была единственным горлышком свежего воздуха для последней. Это привело к тотальному влиянию Анкары в экономике этой территории⁵. Осязаемым результатом турецкой активности стали открытые претензии Анкары на Нахичевань, не исключена также перспектива военного присутствия Турции в Нахичевани⁶, а это уже прямая заявка на обмен рычага мягкой силы на территориальный фактор.

Однако влияние на Азербайджан, который и так был под влиянием Запада благодаря нефтепроектам и карабахскому конфликту, не стал конкурентным преимуществом Турции.

Дверь на Восток

Теракт 11 сентября и американский проект “Большого Ближнего Востока” приоткрыли дверь на Восток. Частичная изоляция Ирана, ослабление влияния Москвы на Ближний Восток и последующая этому война в Ираке стали шансом Турции вернуться в регион.

Анкара вновь стала важным игроком для НАТО. Нестабильность у границ Турции и новое направление вектора Запада, сделали Анкару законечником стрелы, направленной на Ближний Восток⁷, однако как и предсказывает парадигма неореализма, механизм турецкого госу-

спустя] Е.Шапошников предупредил турецкую сторону, что “если к армяно-азербайджанской войне добавится еще одна сторона, то мы можем оказаться на грани третьей мировой войны”. Арис Казинян, Голос Армении: «Торги. Цена истины», <http://www.panorama.am/ru/press/2010/04/08/golos-armenii/> (11:28 08/04/2010);

⁴ См. Левон Овсепян, Модернизация ВС Турции и военная промышленность, Ереван, 2010, стр. 144-150;

⁵ Интервью с Митатом Челикпалой, 22 мая, 2010; см. Также: Чтобы напасть на Армению, Турции военная база в Нахичевани не нужна: эксперт, ИА Регнум, <http://regnum.ru/news/1286515.html> (09:54 24.05.2010)

⁶ Виген Акоюян, Новая политическая карта Кавказа: изоляция Армении и России, ИА Регнум, <http://regnum.ru/news/1288632.html> (20:09 30.05.2010); Россия не против экспансии Турции в Нахичевани?, ИА Регнум, <http://regnum.ru/news/1285403.html> (19:34 19.05.2010);

⁷ Артак Шакарян, Турецко-американские отношения, стр. 89;

дарства сработал опять таки не исходя из соображений партнерства или других идеалов, а используя открывшийся предел возможностей, сделал шаги по направлению усиления влияния.

Как выше отмечалось, вследствие стратегического сотрудничества с США и Израилем, Турция на Ближнем Востоке была изгоем. Исламский мир не доверял Анкаре и каждый шаг воспринимался как следствие диктата из Вашингтона. Если Турция в действительности желала заполнить вакуум влияния на Ближнем Востоке, она должна была изменить свой имидж: неверующей, про-западной Анкаре не было места в регионе.

Результаты парламентских выборов 2002 года были как раз кстати. Про-исламски настроенная Партия справедливости и развития, которая возникла в августе 2001 года в результате раскола исламских сил, получила под свой полный контроль исполнительную власть. Поворотным пунктом в изменении имиджа турок, настал всего несколько месяцев спустя. В марте 2003 года парламент Турции отклонил требование США о предоставлении сухопутной территории для доставки американских войск в Ирак и открытия северного фронта¹. Ближний Восток ликовал: Анкара стала блудным сыном, делавшим шаги к возвращению в исламскую семью. Что надо было для укрепления доверия ближневосточных стран и “арабской улицы”? Максимальный разрыв отношений с Израилем. Последующие годы стали фурором во главе с премьер-министром Реджебом Таййипом Эрдоганом: обвинения в геноциде палестинцев, скандальные выступления в Давосе и на других международных сценах, дипломатические ссоры и громкие отмены совместных учений, все это способствовало усилению имиджа Турции, как исламской страны, которая защищает интересы Ближнего Востока на Западе². Анкара в этой роли обошла уже даже Тегеран, так как изоляция Ирана негативно действует на способность

дипломатических маневров. Беспрецедентное развитие отношений с Сирией, Ираном, Ливаном является индикаторами успешной внешней политики Турции в регионе³.

Эти развития, а также замедление процесса евроинтеграции, дали повод аналитикам предположить, что в Турции происходит радикальное изменение оси: Анкара повернулась Западу спиной. Другие, цитируя книгу архитектора турецкой новейшей внешней политики Ахмеда Давутоглу, приписывают все изменения гению министра иностранных дел.

“Стратегическая глубина” А.Давутоглу действительно заслуживает большого внимания, так как описанные в ней принципы в идеале объясняют многие механизмы турецкой внешней политики⁴. В частности, политика нео-османизма и принцип многовекторности в большей части дают ответы на многие вопросы, связанные с тематикой данной статьи.

Политика нео-османизма является попыткой воссоздать Османскую империю на сопредельных Турции территориях. В нынешних условиях речь идет не о территориальной аннексии, а политико-экономическом влиянии. В эпоху глобализации границы не играют большого значения. Примером могут послужить внешнеполитические подходы Ближнего Зарубежья России и Политики Соседства Европейского Союза. Турция методами мягкой силы желает взять под свое влияние территории бывшего османского государства, надеясь, что в будущем, при дальнейшем изменении статуса-кво не только в регионе, но и в международном праве, сможет мягкую силу изменить на более привычную.

Принцип многовекторности обрисовывает направленность турецкой внешней политики. Согласно турецким руководителям: “У Турции нет спины. Если мы повернулись лицом к Востоку, то это не означает, что мы не придаем важности нашей западной политике”⁵. Попытка сбалансированной политики, согласно Давутоглу,

¹ Michael Rubin, A Comedy of Errors: American-Turkish Diplomacy and the Iraq War, Turkish Policy Quarter, # 18, www.esiweb.org/pdf/esi_turkey_tpq_id_18.pdf, p. 6; Zaman, 02.03.2003; Turkey's future directions and U.S. – Turkey relations, Hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on International Relations, House of Representatives, One Hundred Eighth Congress, First session, October 1, 2003, Serial No. 108-50, www.house.gov/international_relations/108/89669.PDF, p.25;

² Daniel Steinworth, Erdogan's Feeling for Rage: A Turkey-Israel Clash at Davos, Spiegel, 30 Jan., 2009; Katrin Bennhold, Leaders of Turkey and Israel Clash at Davos Panel, New York Times, January 29, 2009, http://www.nytimes.com/2009/01/30/world/europe/30clash.html?_r=1; Maayana Miskin, Erdogan: Israel Worse than Sudan, 'Muslims Don't Cause Genocide', <http://www.israelnationalnews.com/News/news.aspx/134297> (Published: 11/ 08/09, 10:33 PM / Last Update: 11/09/09, 7:22 AM);

³ Suriye vize uygulamasını kaldırdı, Hürriyet, 17/09/2009, <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/12504689.asp>; Lübnan'la da vize kalktı, Sabah, 11/01/2010, http://www.sabah.com.tr/Gundem/2010/01/11/lubnana_vize_kalkti; Türkiye, Suriye'den sonra Libya ile vizeyi kaldırdı, 24/11/2009, <http://www.euractiv.com.tr/ticaret-ve-sanayi/article/trkiye-suriyeden-sonra-libya-ile-vizeyi-kaldrd-007866>; А.Г. Гаджиев, К вопросу о турецко-иранских отношениях на современном этапе, Институт Ближнего Востока, <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/07-04-10c.htm>;

⁴ Ahmet Davutoğlu, Stratejik derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu, Istanbul, 2005; Ahmet Davutoğlu, Turkey's Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007, Insight Turkey, vol. 10. No. 1, 2008, p. 81-82;

⁵ Реджеб Таййип Эрдоган, отрывок из речи на встрече со студентами университета Дж.Мейсона, 12 апреля 2010 г., Вашингтон, прямая трансляция телекомпании TRT, GMT 16:20;

принесет наибольшие дивиденды, так как Запад, в частности ЕС, который замедляет вхождение Турции в Союз, будет более заинтересован Турцией, у которой будет влияние на Ближний Восток, а также на углеводородные проекты, а ближневосточным странам всегда будет на руку добрососедство с Анкарой, которая сможет заступиться за исламский мир.

Однако стратегия Давудоглу, в частности вышеупомянутые принципы, являются только умело описанными постулатами всегда существующих механизмов и не могут претендовать на исключительную новизну. Как говорит поговорка: “Новое – это хорошо забытое старое”. В этом случае принципы не стары, внешняя политика Турции, подобно пружине механизма, была всегда наготове для прыжка в ту сторону, где затраченные усилия принесут бо́льшие выгоды, чем издержки. И “отсутствие многовекторной внешней политики Турции в предыдущие года было обусловлено не отсутствием политической мысли, а невозможностью расширения влияния по другим направлениям”¹.

Заключение

Внешняя политика Турции, имея в себе некоторые эмоциональные элементы, прагматична и целенаправлена на расширение влияния. Очень часто выбор того или иного подхода продиктован среднесрочными и долгосрочными реалиями геополитики. В частности, после развала Османской империи Ататюрк сделал выбор в пользу Запада, потому что все пути на Восток были намертво отрезаны. Турция решила дожидаться изменения статуса-кво в регионе для взятия реванша. Период Холодной войны ознаменовался более-менее четкими зонами влияния, где Турция не могла вести свою игру и довольствовалась ролью в НАТО. Развал СССР, теракт 11 сентября и вторжение американских войск на Ближний Восток изменили ситуацию и дали возможность Турции попытаться заполнить временный вакуум влияния. Исламистское правительство, свободное от коалиционных оков, смогло полноценно использовать шанс выхода на Ближний Восток и, реанимируя имидж представителя исламского мира, соревнуется с Ираном за звание лидера в регионе. Многими аналитиками такой расклад оценивается как радикальная измена внешнеполитического курса от Запада на Восток, или, в лучшем случае, переход от одновекторного мышления на многовекторное, однако, ничуть не умаляя значимость

А. Давудоглу как архитектора турецкой новейшей внешней политики, надо отметить, что все вышеупомянутые доводы доказывают, что отсутствие многовекторной внешней политики Турции в предыдущие года было обусловлено не отсутствием политической мысли, а невозможностью расширения влияния по другим направлениям.

Turkey between the East and the West: Free Choice or a Temporary Maneuver?

Artak Shakaryan

This article will attempt to analyze the active surge of Turkish policy on the Near-Eastern region, as well as trace and interpret the major logic of the unfolding events from the perspective of the neo-realist theory.

The foreign policy of Turkey, while not deprived of some emotional elements, is pragmatic and seeks the expansion of its influence. This choice is very often determined by the intermediate and long-term dictates of the geopolitics. In particular, after the demise of the Ottoman Empire Atatürk has opted toward the Western orientation, because all the ways to the East have been tightly cut off. As a consequence, Turkey – a revisionist power – has decided to wait for changes in the regional status-quo situation.

The Cold War period was characterized by more or less accurate zones of influence, where Turkey could no longer play the game it wished to, and was content with its role in the NATO. However, the collapse of the USSR, the 9/11 terrorist attack, and intrusion of the American forces into the Near East had significantly changed the situation on the ground by rendering Turkey a chance to fill the temporary vacuum. No longer restrained by coalition fetters, the Islamic government could successfully secure its presence in the Near East and, through revitalizing its image as a representative of the Islamic world, compete with Iran for regional leadership. It is necessary to acknowledge in the end that the absence of Turkish multifaceted foreign policy in previous years has not been a result of paucity in its political thought; rather it demonstrated the impossibility of expanding its influence in other directions.

¹ Из личного интервью с генералом-лейтенантом в отставке, бывшим сотрудником Совета национальной безопасности Турции Шади Эрговенчем, март 27, 2010;